

Юрий

Поляков

ЛЕЗГИНКА
НА ЛОБНОМ
МЕСТЕ

Юрий Михайлович Поляков

Лезгинка на Лобном месте (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6571615

Поляков, Юрий Михайлович Лезгинка на Лобном месте :

[публицистика] : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081861-7

Аннотация

Публицистика Юрия Полякова, так же как и его художественная проза, всегда вызывала бурный отклик читателей и явное недовольство властей. Прочтя эту книгу, вы сможете не только приобщиться к острой, неординарной мысли писателя, оценить его афористично-иронический стиль, но и убедиться в том, насколько в своих прогнозах и предвидениях автор опережает текущий момент. Кстати, используя в наших политических спорах некоторые словечки и выражения, мы даже не подозреваем, что попали они в современный язык из статей Юрия Полякова.

Содержание

Предисловие автора	4
Десовестизация	11
Томление духа	11
И сова кричала, и самовар гудел...	31
От империи лжи – к республике вранья	38
«Готтентотская мораль»	45
Смена всех	53
Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!	61
Россия накануне патриотического бума	68
Зрелище	77
Паруса несвободы	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юрий Поляков

Лезгинка на Лобном месте

Предисловие автора

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал, как Безухов стал декабристом, а Наташа поехала за ним в Сибирь. Или – Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Жаль... Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение – публицистика былых времен. Она доносит до нас бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, сотрясавшие людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это не прошлогодний снег, скорее, некогда раскаленная, а теперь застывшая лава. И ее прихотливые нагромождения странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни. Впрочем, ничего удивительного: проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, ве-

рой, вместе с супостатами – внутренними и внешними. Прочтешь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурялу и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

И все же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты и антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной действительностью. Но литераторы, в том числе автор этих строк, продолжают писать статьи. Почему? А потому, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Но не дай бог заикнуться о том же самом в газете: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и моя статья оказалась единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, стократ проклятые за жестокость большевики Учредительное собрание всего-навсего распустили. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только при Путине. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. А «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до 2001 года, когда меня призывали туда главным редактором. Нет, я не жалуясь, а хочу

обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В мае 94-го в той же «Комсомольской правде» было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотического бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с непременной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем. С патриотизмом боролись так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развешаются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговеньем. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 97-м я впервые собрал воедино статьи, написан-

ные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, во-вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях. А искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно откровенностью интересен литератор. Лукавство – это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет, это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «Шанели». И нынче редкий столп общества или вечнолояльный деятель культуры отваживается свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости.

Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей, падает на головы строителям. За минувшие два десятилетия я выпустил несколько сборников публицистики, и по названиям можно проследить, как менялись настроения, симпатии и устремления автора. Судите сами: «От империи лжи – к респуб-

лике вранья», «Порноκραтия», «Россия в откате», «Зачем вы, мастера культуры?»... И вот теперь – «Лезгинка на лобном месте». Готовя тексты к печати, я лишь исправил ошибки, неточности и погрешности стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставил в первозданном виде все прочее, хотя мне и неловко за иные тонкоголосые пророчества и наивные суждения. Зато некоторыми моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

И последнее замечание. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар – социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека – свои помрачения сердца. Но об этом – в моих романах, по-

вестях, пьесах...

Август 2013 г., Переделкино

Десовестизация

Томление духа

«Я выросал в глухое время...» – это сказано обо мне и моем поколении. Мне – тридцать три. Разберем, как говорят аппаратчики, по позициям. Десяток лет спишем на период розовощекой детской невинности. Три года совпали с перестройкой. Двадцать точнехонько укладываются в эпоху застоя. К ним, этим двум десятилетиям, очень подходит строчка из Писания «Суета и томление духа». Томление духа. Было оно, было томление духа. Была бы одна только суета – и говорить что-либо нынче посовестился бы!

Очевидно, нельзя зачеркивать целые поколения только лишь потому, что жили они в кровавые, несправедливые или вымороченные годы. Человека можно обречь на бессмысленную суету, но заставить считать свою единственную, неповторимую жизнь бессмысленной, к счастью, невозможно. Увы, именно на эту особенность людских душ всегда рассчитывают разного рода пакостники, выдающие себя за творцов истории: мол, будут людишки свои прожитые годы оправдывать и нас заодно оправдают...

Смертная чаша сталинского террора миновала мое поколение. Мы не видели физического уничтожения инакомыс-

лящих, но мы видели другое. Вот могучий столоначальник взглянул на своего ершистого молодого подчиненного и, покачивая головой, промолвил: «Товарищ не понимает...» Но это еще полбеды, хотя и ее иным хватало на всю оставшуюся жизнь. А вот если о твоих мыслях и разговорах сказано: «С душком!» – это уже настоящая беда. О, эти деятели с чуткими политическими носами! Скольким моим ровесникам они сломали хребты!

Это в моем поколении появились бичи с высшим философским образованием и со своим собственным, никому не нужным взглядом на мироздание. Это в моем поколении появились воины-интернационалисты, которые сегодня вынуждены оправдываться, что недаром проливали кровь на чужой земле, хотя оправдываться должны не они, а те, кто их посылал. Это в моем поколении появились рабочие парни, проникающиеся чувством пролетарской солидарности только в очередях за водкой. Это в моем поколении начался исход творческой молодежи в дворники и сторожа. Это в моем поколении явились миру инженеры-шабашники, которые, перекуривая на кирпичах возле недостроенной фермы, спорили о вполне реалистических, но совершенно нереальных тогда планах перестройки экономики. Это в моем поколении завелись преуспевающие функционеры, те, что, отдремав в очередном президиуме и воротившись домой, любили перед сном перечитать избранные места из ксерокопированного Оруэлла, приговаривая: «Во дает, вражина! Один

к одному...»

Тем временем социализм становился все более развитым, а единственный привилегированный класс – дети – все более заторможенным. Все эти годы бессмысленно расходовались не только природные богатства страны, но и духовные ресурсы нации. Хочется верить, что второе, в отличие от первого, восстановимо.

А. Блок писал некогда о «тайной свободе». Применительно к моему поколению я бы говорил о «кухонной свободе». Ведь сознаемся: многое из того, о чем пишут сегодня газеты и журналы, было нам известно и служило издавна предметом горячих кухонных споров. Генералиссимус никогда не был для нас великим стратегом, Раскольников и Чаянов никогда не были преступниками, Жданов никогда не был выдающимся «организатором культурной жизни страны», коллективизация никогда не была «героической страницей истории социалистического строительства». Если б мы ничего этого не ведали, то у нас сейчас была бы не Гласность, а, например, Осведомленность.

Некоторые товарищи опасаются, что «чрезмерная» гласность приведет молодежь к непочтительности и даже нигилизму. Не волнуйтесь, дорогие товарищи! Гласность воспитывает именно уважение к устоям, а непочтительность происходит от той закамуфлированной под передовую идеологию белиберды, которой с лихвой хлебнуло мое поколение. Поэтому, наверное, отличительная черта моего ровесника

– ирония. А что вы хотите, если любой доклад тогдашнего пятизвездочного лидера по содержанию и исполнению был смешнее всякого Жванецкого?!

Блистательный щит иронии! Мы закрывались им, когда на нас обрушивались грязепасы выпендренного вранья, и, может быть, поэтому не окаменели.

Со временем, думаю, выйдут в свет сборники анекдотов и черного юмора – свидетельства горького народного оптимизма. Надеюсь, что они собраны, по крайней мере, компетентными органами, и мы убедимся, с каким мужеством и блеском люди отстаивали свое право не верить в директивную ложь, не любить придуманных героев, не восхищаться несуществующими победами... Я даже вижу будущую монографию о том, почему трилогию «Малая Земля» – «Возрождение» – «Целина» народ гениально окрестил «Майн кайф»...

Еще со школы помню: загнивавшей дворянской молодежи была свойственна «вселенская скорбь». Мое поколение страдает «вселенской иронией». Но ведь энергия духа, ушедшая на разрушение миражей, могла пойти на созидание! Ирония вполне может быть мировоззрением отдельных граждан, деятелей культуры, даже ответработников (кстати, среди них я чаще всего встречал ироничных людей). Но ирония не может быть мировоззрением народа! Она не созидательна. Не потому ли у нас сталкиваются или горят парходы, сходят с рельсов поезда, заливаются недавно принятые комиссией дома, что живем точно невсерьез? Хирург не должен с инферналь-

ной улыбочкой залезать к нам во внутренности, учитель не имеет права с двусмысленной усмешкой внушать идеалы, в которые сам не верит, офицеру негоже, видя, как бессильно извивается на перекладине доходяга-призывник, цедить с ухмылкой: «Вот ЧМО, что от него ждать»... ЧМО – это человек Московской области. Научно выражаясь, аббревиатура.

Общество жалуется, что выросло поколение с несерьезным отношением к труду, к окружающим людям, к прошлому... А если вознаграждение за труд дает человеку лишь бескрайние возможности вставать в любую очередь за любым выброшенным в торговую сеть дефицитом? А если ближний твой воспринимается прежде всего как конкурент в трудном деле обретения этого самого дефицита, и, может быть, именно поэтому люди разучились улыбаться друг другу? А если в системе сервиса на одну условную единицу услуг мы получаем десять единиц безусловного хамства? А если диалектический закон отрицания состоит прежде всего в том, что каждый вновь назначенный столоначальник полностью отрицает своего предшественника, снятого с должности и строго наказанного персональной пенсией всесоюзного значения? Откуда взяться серьезному отношению?!

Вы когда-нибудь видели, скажем, в обкоме партии портреты первых секретарей, допустим, за последние пятьдесят лет? Чтобы висели в хронологическом порядке, с указанием заслуг и промахов. Если снят – за что? Если повышен – по-

чему? Лично я таких галерей ни в обкомах, ни в горкомах, ни в райкомах не видел. Может быть, боимся: вывесим их всех рядком-ладком и получится что-то вроде истории города Глупова...

Впрочем, если говорить без иронии, корни этой безликой истории уходят гораздо глубже. Сколько десятилетий вся предшествующая философия толковалась только как постамент под скульптурную группу – «Маркс и Энгельс читают первый номер “Новой рейнской газеты”», вся предшествующая литература – как пробы пера в поисках метода социалистического реализма, вся предшествующая история – как учебные стрельбы перед залпом «Авроры». Гуманитарное образование, полученное моими сверстниками в вузе, можно назвать образованием, лишь не выезжая за пределы Отчизны. Та же ситуация, что и с рублем.

Ладно, бог с ними, с этими излишествами! Но уж историю нашей революции, которая потрясла мир, мы учили как следует! Три этапа освободительного движения в России знаем как «Отче наш». Впрочем, кто ныне знает «Отче наш»...

Да, нам смутно ведомо, что в третьем этапе освободительного движения, ради которого, собственно, декабристы и будили Герцена, кроме большевиков, участвовали еще какие-то партии. Что знает о них мой ровесник, не занимавшийся этим вопросом специально? Знает примерно следующее. Анархисты – заговорщики. Лохматые, бородатые, с тягой к уголовщине. Черное знамя с черепушкой. Требова-

ли, дураки, отменить государство, совершенно не соображая, кто же будет присылать конную милицию, когда народ после матча прет со стадиона. Эсеры (правые) – заговорщики. Косой пробор, рука засунута за борт френча. У их лидера были «глаза бонапартьи», и он бежал от гнева народных масс, переодевшись в женское платье. Не поняли исторических слов знаменитого матроса: «Господа, расходитесь, караул устал!» – и почему-то не могли смириться с роспуском Учредительного собрания, где имели большинство. Меньшевики – заговорщики. Вот он, маленький, суетливый меньшевик выступает на митинге и поначалу даже несколько сбивает отдельных рабочих с толку, но потом на грузовик влезает большевик, передает массам привет от товарища Ленина и под свист и улюлюканье выгоняет оппортуниста с митинга. Эсеры (левые) – заговорщики. Сначала дружили с большевиками. Потом послали некоего Блюмкина убивать посла Мирбаха, а сами тем временем подняли мятеж. Посол убит, мятеж подавлен, партия левых эсеров распущена, а Блюмкин продолжал служить победившему народу на приличных должностях (вплоть до расстрела).

Мой ровесник с высшим образованием, знающий о политической жизни России больше, может с чистой совестью бросить в меня идейно выверенный камень!

А ведь я даже не говорю о каких-то там кадетях, которые, повязавшись салфетками, неопрятно жрут цыплят, пьют шампанское, заглядывают под юбки танцоркам корде-

балета и рассуждают исключительно про Босфор и Дарданеллы. А их лидера так и прозвали – Милюков-Дарданелльский. Разумеется, заговорщики...

Велика ли честь переиграть в политической борьбе таких дебилов? Кого в конце концов дурачим? Кого унижаем – их, бывших, или нас, настоящих? Почему ярлыки, приклеенные тогда, в запале борьбы за власть, до сих пор приводятся как бездонные в своей историко-философской глубине оценки? Наконец признали, что сокрытие фактов и реалий нашего прошлого нанесло серьезный урон историческому сознанию народа. Но еще больший урон, по-моему, нанесло одурачивание истории или, если хотите, одурачивание историей.

Нынче любят говорить: у истории не бывает сослагательного наклонения. Не знаю, возможно, оно и так, но это никоим образом не должно мешать разбираться в давних аргументах наших соотечественников, придерживавшихся иных взглядов на будущее России и исповедовавших иные социальные теории. Это необходимо сделать, даже если бы наш путь в последние семьдесят лет был усыпан лепестками роз. В этом – вежливость потомков. Но путь-то был усеян не лепестками...

Конечно, проще и легче списать все наши послереволюционные неприятности на ужасный характер генералиссимуса, но поверьте, «задумчивые внуки», восстанавливая старательно порванную нами связь времен, однажды полюбопытствуют: а нет ли какой-нибудь связи между героическим мат-

росом, заботящимся об уставшем карауле, и генсеком, прицеливающимся в делегатов XVII партсъезда из подаренной винтовочки?

Может быть, полезно задать себе вопрос: почему Гражданская война, отгороженная от нас бедами и победами Великой Отечественной, до сих пор не изглаживается из народной памяти? Не потому ли, что от той братоубийственной войны повелось беспощадное разделение на «чужих» и «своих»? На своих, ради которых можно, не задумываясь, отдать жизнь, и на чужих, которых, не задумываясь, нужно лишить жизни. И не это ли разделение стало впоследствии нравственной основой сталинских преступлений и изумительного народного единодушия: «Убить, как бешеных собак!».

Мог ли вчерашний южноуральский партизан поверить, что Блюхер – враг и японский шпион? Мог ли вчерашний делегат III съезда комсомола, где блестяще выступал и Н. И. Бухарин, поверить, что он – враг и бог знает чей шпион? Отвечу: мог! Мог, если отец двумя десятилетиями раньше мог убить сына, пошедшего с красными. Мог, если женщина могла застрелить своего единственного синеглазого за то, что он остался верен Белому делу. Перечитайте «Родинку» М. Шолохова и «Сорок первый» Б. Лавренева. Эти книги не запрещались, из библиотек не изымались. Человек переводился в разряд классовых врагов и сразу переставал быть человеком. Сначала врагом объявляется тот, кто против нас,

потом тот, кто не с нами, потом тот, кто не поспевает за нами, потом тот, кто справа или слева... и так до бесконечности. Нетерпение всегда идет рука об руку с нетерпимостью. Именно это испугало в революции многих русских писателей, но еще совсем недавно их точка зрения квалифицировалась как «мелкобуржуазный гуманизм».

Из террора, какого бы цвета он ни был, народ не выходит обновленным, а только – ожесточенным. Жестокость, какой бы социальной демагогией она ни оправдывалась, остается жестокостью. И еще неизвестно, что от чего больше зависит – средства от цели или цель от средств, с помощью которых она достигается. Нет, я не клоню снова к сослагательному «бы» в истории. Я просто-напросто думаю о том, что даже единственно правильное в конкретно исторической ситуации решение порой может быть причиной будущих бед и трудностей.

Возьмем тот же комсомол. Уже на одном из первых съездов делегаты постановили распустить организации бойскаутов и юных коммунистов как чуждые истинному пролетарскому движению, считая, что комсомол один справится с молодежью. Возможно, тогда это было верным тактическим решением, но в результате сегодня семидесятилетний ВЛКСМ только учится общаться с неформальными объединениями молодежи, только разворачивается к конкретному молодому человеку, скрипя всеми своими структурами и сочленениями. И это понятно: трудно из министерства по делам моло-

дежи, каковым комсомол обязывали быть многие десятилетия, взять и превратиться в боевую, живую, ищущую (ну и так далее) организацию. Тем более что нынешние партийные кураторы суть лучшие представители и воспитанники этого самого министерского комсомола.

Кстати, занимаясь историей комсомола, я совсем недавно смог на своем опыте убедиться, насколько широко распахнуты двери архивов и документохранилищ. Захотел почитать стенограмму того печально знаменитого пленума Цекамола, на котором решалась судьба А. Косарева и его сотоварищей. Выправил бумагу в ЦК ВЛКСМ, пришел в Центральный архив ЦК ВЛКСМ и как кандидат в члены ЦК ВЛКСМ попросил: дайте почитать. А один архивный руководитель мне и говорит: «Вы бы лучше почитали мой материал в “Комсомольской правде”. Что можно – там все есть...» Это называется, попил из реки по имени «факт». Что ж, продавца универмага мы узнаем по импортно-разымпортной упаковке, а архивариуса, видимо, по имеющимся у него в распоряжении дефицитным историческим сведениям. А ведь доступность информации – необходимое условие раскрепощения личности.

Есть у нас и еще одна беда, препятствующая раскрепощению личности. Это заштампованность сознания. Вот я, сравнительно молодой человек, садясь за доклад, допустим к профсоюзному собранию, волей-неволей начинаю его материалами съезда, в середочку вставляю цитату из В. И. Ле-

нина, а заканчиваю документами недавнего пленума. Словами уважаемых основоположников мы перебрасываемся, как мячиками.

Захожу на почту и читаю огромный плакат: «Без почты, телеграфа и машин социализм – пустейшая фраза. Ленин». Про «плюс электрификацию», каковой увешаны все наши ГЭС, ГРЭС и АЭС, я просто не говорю. Вывелся целый вид деятелей, которые, составив обширную картотеку из цитат классиков, могут с их помощью доказать что угодно.

Не верите? Хорошо, допустим, завтра кому-то пришла в голову сумасшедшая идея закрыть все театры. Ликвидировать. Та-ак, смотрим на «Т»: Табак... Талейран... Театры... Вот, пожалуйста, из телефонограммы В. И. Ленина А. В. Луначарскому: «Все театры советую положить в гроб»...

Другой пример. Общеизвестно, что из всех искусств важнейшим для нас является кино. Хотите, я, опираясь на авторитет основателя нашей партии и государства, докажу, что прогулки на свежем воздухе лучше кино. Пожалуйста. Н. К. Крупская пишет М. А. Ульяновой из Кракова в декабре 1913 года: «...у нас есть тут партии “синемистов” (любителей ходить в синема), “антисинемистов”... и партия “прогулистов”, ладящих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист...» Не правда ли, довольно убедительно? И пусть потом историки разьясняют, что в телефонограмме сказалось вполне конкретное раздражение Ленина по вполне конкретному поводу. В той же те-

лефонограмме далее следует: «Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте»... Что же касается партии «прогулистов», то это просто шутка, о чем Н. К. Крупская сама и пишет: «Мы тут шутим, что у нас есть тут партии “синемистов”».

Шутка. А сколько неоправданных и непоправимых поступков было совершено в догматическом раже под прикрытием цитат, надерганных только что описанным способом? Этой неизменной ссылкой на классиков как бы демонстрируется такая изумительная преданность идее, что она – преданность – изумила бы даже самих отцов идеи, явись они к нам сегодня. В их округлившихся глазах мы были бы похожи на людей, передвигающихся по суше в лодках только потому, что некогда здесь было море...

У меня вообще сложилось впечатление, что стремление всякий раз подкрепить свой поступок цитатой – удобная форма освободиться от личной ответственности. Что-то вроде коллективной безответственности. Мол, если виноват, то не один, вместе с основоположником и наказывайте. Но ведь, совершая Октябрьский, как выражались в те годы, переворот, вся партия большевиков, каждый член РСДРП(б) сознательно или бессознательно брали на себя именно персональную ответственность за судьбу огромной державы, уже отпраздновавшей к тому времени свое тысячелетие. Правда, объективности ради нужно отметить: Россия в ту пору была в кризисе. А вот совсем недавно мы были в предкризисном

состоянии. Значит, все-таки прогресс...

Я не насмешничаю, какие тут насмешки, если душа болит и ноет, болит, потому что видишь, как народ выставляется нерадивым исполнителем мудрых решений и указаний. Даже приходится слышать сетования: мол, люди совсем разболтались, совсем вкалывать разучились, надо, мол, усилить воспитательную работу среди трудящихся. Знаете, такой трехсотмиллионный детский сад с корпусом строгих воспитателей! Нынче эпоха узкой специализации. Физик знает физику. Искусствовед – искусство. Инженер – производство. Политик, естественно, должен знать, чего хотят его сограждане. Должен? Как бы не так! У нас выработался особый тип общественного деятеля, который знает, что люди обязаны хотеть. Замечали, наверное, как обыкновенный паренек Вася, выросший у нас на глазах, придя, скажем, на партийную работу, очень скоро начинает снисходительно поучать всех и вся. Стоит ему достичь степеней известных, он автоматически начинает «рубить» во всем, но особенно в сельском хозяйстве и искусстве. Ох, сидит, сидит еще во многих товарищ Жданов, учивший Шостаковича играть на фортепьянах!

Первый секретарь райкома все еще отвечает не перед народом, а перед первым секретарем горкома. Понаблюдайте за собой: в присутствии представителя власти лично я, например, испытываю генетическую робость, к которой еще Иоанн и Петр десницы приложили. И это вместо того, что-

бы хлопнуть руководителя по плечу и спросить: «Ну, как дела, Вася? Как ты там отстаиваешь мои трудовые интересы?» Разве можно хлопнуть по плечу государство? Затопчет, как Медный всадник несчастного Евгения...

Однажды я оказался в обществе довольно крупного ответработника. Мы беседовали. Вдруг к нему сквозь частокол инструкторов и референтов прорвалась заплаканная женщина. Как выяснилось потом, у нее серьезно заболел ребенок, а положить его в специализированную клинику нельзя: очередь, как и везде. Женщина, задыхаясь, проговорила: «Помогите...» Потом встретила строгий взгляд, осеклась и забормотала что-то об отставании здравоохранительного комплекса в городе, о нехватке человеко-коек...

Увы, сформировался особый язык, на котором велись да и ведутся разговоры на совещаниях и заседаниях, пишутся статьи и документы. Расскажи на этой «аппаратной латыни», например, про «поворот части стока северных рек» – и вроде бы ничего особенного: наука на переднем крае созидания. А если объяснить это людям человеческим языком – волосы от ужаса встанут, точно черта повидал. И странная же получается вещь: в обычной жизни мы обсуждаем окружающую безалаберщину на общедоступном русском языке, охотно используя самые рискованные выражения, а поднявшись на трибуну или встав на собрании своего родного трудового коллектива, сразу сбиваемся на «номенклатурную латынь», которая нам-то как раз и ни к чему. А что делать, ес-

ли приучились?

Но аппаратная «латынь» – это лишь отражение заржавевшего мышления огромного управленческого слоя нашего общества. Грустно, что важные мероприятия планируются и обсуждаются на этой самой пресловутой «латыни», в результате очень трудно понять, чем же обернется планов наших громадье в конкретной человеческой жизни. Вот порешили искоренять пагубу «зеленого змия». Очень правильно! Сказали много перестроечных слов, правда в основном на «аппаратной латыни». В итоге: народ отучают пить, точно котенка гадить в домашние тапочки.

Два года назад в соавторстве с классиком нашей кинодраматургии Е. И. Габриловичем я написал сценарий о партийных функционерах районного уровня. Всего-навсего! Сюжет вкратце таков: молодая, энергичная, искренняя женщина, как говорится, замечена и выдвинута на партийную работу, о чем она даже и не помышляла. И вот эта обыкновенная женщина, с трудностями в семейной жизни, решает обновить, встряхнуть райком, десятилетиями играющий в одну и ту же аппаратную игру. Надо ли объяснять, что эта попытка для нашей героини закончилась печально? Печально закончилась и наша с Е. И. Габриловичем попытка: движение принятого и одобренного сценария прекратилось, началось странное торможение, продолжающееся и по сей день. Не знаю, может быть, это наша с мэтром творческая неудача. Ну а может быть, и наоборот: как раз удача тех, кому не

хочется, чтобы искусство совало свой нос в таинство механизмов торможения.

Если кто-нибудь вообразил, что для независимо мыслящих деятелей культуры наступила совершенно безоблачная пора, он заблуждается. Искусство одновременно взламывает стереотипы общественного сознания и заменяет их другими стереотипами. Одновременно. Сокрушение рекомендованных и согласованных стереотипов осуществляется коллективными усилиями, индивидуальная трудовая деятельность тут нежелательна. А настоящий художник (извините за трюизм) – это прежде всего индивидуальность. Вот и получается, что только законопослушный автор, написавший некогда монументальное полотно «Нарком Клим Ворошилов на лыжной прогулке», может по команде, с ходу создать триптих «Смерть и бессмертие Николая Бухарина». Для иных деятелей, к сожалению, искусство – это не особая форма постижения бытия, а просто-напросто удобный способ проинформировать власти о своей полной благонадежности.

И еще одна горестная, возможно субъективная замечка: если в застойный период искусству обычно мешала личная тупость того или иного руководителя, то сегодня чаще всего мешает доведенная до абсурда коллегиальность, расцветающая под видом демократизации творческого процесса. Это напоминает решение интимных проблем супружеской пары путем открытого голосования на общем собрании трудового коллектива.

Кстати, раз уж я коснулся сей пикантной проблемы, выскажусь шире. Не хочу, конечно, утверждать, что советское искусство бесполо. Но то, что у него чрезвычайно ослаблено либидо, – это факт. Когда любовь героев переходит от товарищеских рукопожатий и долгих взглядов к совсем не противоправным действиям, от которых получаются дети, автор вдруг как-то сразу тушется, ставит многоточие... Потом героиня в халатике варит кофе и они обсуждают производственные проблемы.

Это ханжество принимается как данность, а ведь у него тоже своя история. Старшие поколения, возможно, еще и помнят, как некогда хорошему писателю М. Арцыбашеву прилепили ярлык порнографа, вычеркнули из истории литературы соответствующие книги С. Малашкина, П. Романова и других. Ну и чего добились? Мой ровесник вынужден изъяснять свои интимные переживания или высоким штилем прошлого века («Я ему отдалась до последнего дня...»), или совсем уж нехорошими словами. Иногда мне думается, что, объявив некогда человека «винтиком», порешили: раз «винтики», то пусть и размножаются штамповкой. Нечего прятаться от революционной действительности в разную там эротику. Формула «Любовь – это страсть роковая» сменилась соображением, что «Любовь – не вздохи на скамейке...». Но это тема отдельной статьи, которую я намереваюсь написать... Хотя почему отдельной?

Разве можно томление духа разложить на темы, пункты,

параграфы? Суэта и томление духа. Восторг первых лет перестройки миновал. Настало время конкретных дел. Если бы нашли способ превращать смелейшие публикации в высококачественные продукты питания и предметы быта, один И. Васильев кормил бы пол-России, а Н. Шмелев – вторую половину, и мы вели бы уже речь о том, что перестройка в основном завершена. Но такого способа нет и едва ли будет. Есть только один путь: от раскрепощения духа – к раскрепощению созидательной мощи народа, на которой долгие годы висел заржавевший амбарный замок нелепого жизнеустойства.

Да, мы хотим выговориться, нащупать под слоем ила твердое дно, до конца высказать все свои обиды и сомнения, воздать по заслугам (хотя бы словесно!) всем виновникам нашего неуклонного прозябания, хотим, нравится это кому-то или не нравится. Только не уподобиться бы сказочной лисичке, которая, обо всем позабыв, начала с остервенением выяснять, кто помогал, а кто мешал ей удирать от собак: глазки, ушки, ножки или хвостик... Известно, что лисичка эта кончила плохо!

Сегодня главное, по-моему, – перестать наконец суетиться и начать созидать, не пугаясь того, что предполагаемое в перспективе «богачество» трудолюбивых граждан пошатнет устой народного государства. Но томление духа пусть обязательно останется, иначе созидание в любой миг может снова обернуться суетой, новым застоєм.

Хочу повторить, и совершенно сознательно, то, что говорилось не раз и оттого, может быть, немного стерлось.

Мы – продолжатели героической многовековой истории, насельники необъятной территории, обладатели огромных природных богатств, мы совершили невиданную революцию, выдержали страшную войну, повлекли за собой к светлостому будущему другие племена... Именно поэтому мы просто не имеем права влачить существование, мы обязаны жить полноценной духовной и материальной жизнью! Это наша дань прошлому, это долг перед будущим. Не знаю, будут ли, «косясь, постораниваться и давать нам дорогу другие народы и государства», но я точно знаю: это горько и нелепо, когда другие народы и государства со снисходительной усмешечкой обгоняют нас, точно новенький «Мерседес» обгоняет разваливающийся дедушкин ЗИС.

У П. Я. Чаадаева есть вопрос, обращенный, полагаю, не только к его современникам, но и к потомкам. Вот он: «Думаете ли вы, что такая страна, которая в ту самую минуту, когда она призвана взять в свои руки принадлежащее ей по праву будущее, сбивается с истинного пути настолько, что выпускает это будущее из своих неумелых рук, достойна этого будущего?» Думаю об этом. Думаю неотвязно...

«Литературная газета», октябрь 1998 г.

И сова кричала, и самовар гудел...

Представьте себе, что вы живете на леднике, медленно и неизбежно сползающем в пропасть. Правда, шаманы, неся какую-то диалектическую чушь, доказывают, будто родной ледник не сползает, а, наоборот, неуклонно движется вперед и выше, но аборигены-то примечают, как с каждым годом жить становится все хуже и грустнее. Они-то слышали, что где-то там, в долинах, у людей жизнь совсем другая... Но вот выдвинут новый вождь, он решительно открывает своему народу глаза на губительное сползание и призывает, уничтожив ледник, зажить, как и весь цивилизованный мир, на естественной почве, а она – старожилы еще помнят – сказочно плодородна. Итак, диалектические шаманы изгнаны, аборигены долбят лед, а потревоженный глетчер вдруг ускоряет свое скольжение вниз. Плодородной земли пока не видно, а в ушах – свист ветра и слова вождя: «Не волнуйтесь – процесс пошел!» Остается добавить, что ошалевшие аборигены начинают яростно делить свой раскалывающийся ледник, разбиваются по кланам и родам, полагая, будто порознь падать лучше, а может, еще удастся и зацепиться...

Вот такая прозрачная аллегория. Конечно, читатель может спросить: «Выходит, по-вашему, вообще не надо было трогать ледник, занимавший шестую часть суши и лежавший “касясь трех великих океанов”?» Я этого не говорил и не

скажу никогда, но я считаю, что, разрушив миф о плодородном леднике заодно с самим ледником, не следует тут же творить новый миф – о счастье падения и распада.

Жертвам компрачикосов (я и себя считаю таковым) больно, когда им начинают выправлять изуродованные кости, возможно, даже еще больнее, чем раньше, когда их тела медленно, год за годом гнули в бараний рог. Поэтому, отважившись на такую операцию, вряд ли стоит ожидать слез восторга. Но к социальной хирургии я еще вернусь.

Когда сегодня иной выросший на кафедре марксизма-ленинизма реформатор начинает раздражаться косностью и неразворотливостью народной массы, не понимающей своих грядущих выгод, мне хочется в свою очередь спросить: «А что же, вы не знали, в какой парадоксальной стране начинаете реформы? Вы что же, Бердяева или Чехова не читали? “Вишневый сад”, например:

Ф и р с: Перед несчастьем тоже было: и сова кричала,
и самовар гудел бесперечь.

Г а е в: Перед каким несчастьем?

Ф и р с: Перед волей».

Вот и спорь тут с почвенниками про наш особый путь, если мы умудрились предложить миру даже свой особенный вид военного путча, являющегося составной частью демократического процесса: черные начинают и сразу проигрывают.

Вспомните, весь минувший год о предстоящем перево-

роте кругом говорили с той усталой уверенностью, с какой обычно говорят о недалеком очередном отпуске. Перебирались имена предполагаемых диктаторов, предугадывались сроки, спорили: отменит хунта талоны на водку или, наоборот, введет сухой закон... А слово «ОМОН» стало означать в русском языке примерно то же самое, что «OMEN» в английском. К этому настолько привыкли, что, когда министр иностранных дел отошел от дел, ссылаясь на грядущий путч, многие отнеслись к его словам как к не очень удачной шутке, с которой один из гостей покидает поднадоевшее застолье.

При всем моем скорбном сочувствии к участи трех погибших парней не могу не заметить, что и Великая Октябрьская социалистическая революция, и Великая Августовская капиталистическая революция имеют одну общую черту: они почти бескровны. Как известно, во время штурма Зимнего поруганных дам из женского батальона было чуть ли не больше, чем убитых штурмовиков. А бескровность – верный признак того, что интересы людей пока еще не столкнулись по-настоящему. Предприниматель, несущий на баррикаду мешок денег, и владелец кооперативного кафе, доставляющий туда же бутерброды, пока еще не воспринимаются обывателями как классовые противники, да простится мне этот «за-стоизм», от которого мы, впрочем, никуда не денемся, ведь вместо бесклассового общества будем строить классовое. Я не подстрекаю, я-то как раз отчетливо сознаю: история доказала, что эксплуатация человека человеком эффективнее,

нежели эксплуатация человека государством. Но, возвращаясь в лоно цивилизации, хорошо бы предвидеть, что малоимущие, ненавидевшие партократов, вряд ли как родных полюбят тот новый слой общества, который в старину называли скоробогатыми. Маркс тут ни при чем, это – психология.

Я вообще полагаю, что социализм и капитализм – это не столько экономические системы, сколько типы мироотношения, гнездящиеся в глубинах человеческого подсознания. На Западе я встречал немало людей с чисто социалистическим типом сознания, предпочитающих непыльную – разумеется, в их понимании – службу в госсекторе круговерти и надрыву частного бизнеса. «По статистике, среди бизнесменов очень высокая смертность!» – так объяснил мне свое нежелание открывать собственное дело один знакомый британец. А теперь помножьте в уме этот подкорковый социализм на годы насильственной социализации человеческого сознания у нас в стране, и вы получите в уме то, что мы имеем наяву. Нет, я не против рынка, я просто за то, чтобы, отправляясь с сумой на рынок, заранее прикинуть, сколько там будет тру-дэг, сколько торговцев, сколько праздношатающихся, сколько карманников... Хотя бы приблизительно!

На мой взгляд, настоящая социальная драма начинается не там, где разгулявшиеся, а то и подгулявшие сограждане рушат обветшалые исторические декорации, а там, где возводятся новенькие, пахнущие свежей краской кущи и начинается распределение ролей. Лепетать «кушать подано», са-

ми понимаете, не хочется никому. Но проблема даже не в том, что две «звезды» из основного состава повздорят из-за главной роли, а в том, что рабочие сцены посреди спектакля вдруг выбегут на сцену и закричат: «А нам – кушать?!»

И вот еще – чтоб закончить про военный путч. Сам для себя я называю его военный пуф. «Пуф», по Далю, – надувательство, нелепая выдумка. Так вот, нынче много пишут о загадочности, даже инфернальности этого события. Скажу больше: это настоящая тайна, и разгадать ее удастся, может быть, только в следующем веке, когда участники действия сойдут с политической сцены. Да, это тайна, ибо есть секреты, которые большие политики не вещают даже на смертном одре и даже в мемуарах. Именно поэтому они – большие, они сидят в общих камерах одетые во все казенное... Секреты эти тшцатся разгадать историки и журналисты по обмолвкам и обрывкам. Но помимо тайн политиков есть еще тайны истории, непонятные до конца даже самим участникам и творцам рассматриваемых событий. И здесь они – творцы – похожи чем-то на фокусника, торжественно достающего из шляпы заранее определенных туда голубей и вдруг обнаруживающего там еще и птеродактиля. А ведь он его в шляпу-то не клал, да и никто вообще не мог положить его туда...

О чем это я? Да все о том же – об ответственности: есть такое почти выпавшее из нашей речи слово. Ныне часто и с гневным удовольствием пишут про самонадеянных, невежественных ребят, выгнанных за неуспешность из гимназий

и решивших до основания разрушить не устраивавший их мир. Как говорится, дурацкое дело нехитрое: в обломках этого мира, наскоро оборудованных под жилье, мы с вами обитаем и по сей день. Ведь и перемены начинались для того, чтобы поскорей выкарабкаться из-под этих коммунальных руин. Ведь радовались, что на смену усатым и броватым сторожам этой исторической свалки пришли новые люди! Почему же сегодня, когда я – уже вполглаза – смотрю по телевизору очередное прение на внеочередной сессии, я опять вижу перед собой все тех же неуспешных гимназистов. Искренних и лживых, умных и глупых, но – неуспешных! Неужели, влетая в большую политику на волне людской ненависти к подлой жизни, они не понимают, какую ответственность на себя взяли?! Неужели забыли, что выбирают за слова, а убирают за дела!

Знаете, меня очень задел уход из «Огонька» В. Коротича. Не по каким-то личным соображениям – я сотрудничаю с другим популярным журналом. Коротич в данном случае для меня всего лишь символ, знак... Мне за перестройку обидно! Когда ты просто писатель, просто кустарь-одиночка, ты можешь творить и жить где угодно – хоть в Париже, хоть в Марбурге. Твое личное дело. Но если ты стал деятелем, стал одним из тех хирургов, которые вскрыли обескровленное тело больного общества, тогда разговор другой. В конце концов никто в большую политику – а от нее зависят судьбы миллионов – винтовочными прикладами не заталкивает.

Оттуда – да, а туда – нет. Так что же это, извиняюсь, за хирург? Мол, вы, мужики, тут без меня дорезывайте, а мне там за СКВ работенку подбросили! Не хочется об этом, а надо: пусть лучше я скажу, чем те «силы», которыми отъезжающие родители страшат в Шереметьево-2 расшумевшихся детей. Меня это задевает еще и потому, что и я сам, смею думать, своими книжками в какой-то мере вострил тот самый скальпель, каковым сделан исторический надрез... А теперь мы стоим над разверстой плотью в недоумении и готовы, как в том анекдоте, замахать руками и закричать: «Ничего не получается, ничего не получается!» И больше всего на свете я боюсь, что какой-нибудь сегодняшний Фирс – миллионы фирсов скажут: «Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел...»

Журнал «Столица», октябрь 1991 г.

От империи лжи – к республике вранья

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку: мол, не учи других жить, а помоги сам себе материально! Выходит, раньше, когда мы влачили существование, у нас оставалось достаточно сил и времени, чтобы поразмышлять о пороках общества. Сегодня, когда за существование приходится бороться, на это нет ни сил, ни времени. И все же...

Если без ностальгических прикрас, то давайте сознаемся: до перестройки и гласности наше Отечество было империей лжи. Сразу оговорюсь: это совершенно не значит, будто все остальные страны были эдакими «правда-легендами», но это пусть пишут их журналисты и литераторы. Итак, мы были империей лжи, но заметьте: это была ложь во спасение... Во спасение сомнительного эксперимента, предпринятого прадедушками многих нынешних демократов и бизнесменов, во спасение «всесильной Марксовой теории», оказавшейся неспособной накормить народ, во спасение той коммунальной временки, которую наскоро сколотили на развалинах исторической России. Нужно или не нужно было спасать – вопрос сложный и запутанный. Полагаю, сидящий в президиуме научного симпозиума и сидящий в приднестровском око-

не ответят на него по-разному...

Впрочем, все еще хорошо помнят двойную мораль минувшей эпохи: пафос трибун и хохот курилок, потрясающее несовпадение слова, мысли и дела. Однако это была норма жизни, и сегодня корить какого-нибудь нынешнего лидера за то, что он говорил или даже писал до перестройки, равносильно тому, как если б, женившись на разведенной даме, вы стали бы укорять ее за былые интимные отношения.

Задайтесь вопросом: с какой целью лгали с трибуны, с газетной полосы, с экрана директор завода, ученый, журналист, партийный функционер, писатель, офицер, рабочий или колхозница? Ради выгоды? Но какая тут выгода, если почти все вокруг делали то же самое! В массовом забеге важна не победа, а участие. Да и сама ложь эта скорее напоминала заклинания. Нет, я не имею в виду откровения приспособленцев, которые прежде с гаденькой усмешечкой интересовались: «А вы, случайно, не против партии?» – а сегодня с такой же усмешечкой спрашивают: «А вы, случайно, не против реформ?»

«Но ведь были же еще диссиденты!» Были. Их роль в судьбе России на протяжении нескольких столетий – один из сложнейших вопросов отечественной истории. Трудно ведь давать однозначные оценки, когда историческая личность одной ногой стоит на бронемашине, а другой – на опломбированном вагоне. Поэтому надо бы отказаться от восторженного придыхания, навязанного нам сначала авторами серии

«Пламенные революционеры», а потом серии «Пламенные диссиденты», и предоставить делать выводы и переименовывать улицы нашим детям. А поспешность приводит обычно к тому, что, например, в Москве исчезла улица Чкалова, но зато осталось метро «Войковская», названное так в честь одного из организаторов убийства царской семьи.

Нет, я не против реформ и не горюю о рухнувшей империи лжи, я просто констатирую факт, что на ее развалинах возникло не царство правды, а обыкновенная республика вранья. Если огрубить ситуацию и выделить тенденцию, то люди решительно прекратили лгать ради «государственных устоев», взапуски начав врать в корыстных интересах, ради преуспевания клана, команды, политической партии, родного этноса... Собственно, ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью...

Сегодня уже вдосталь осмеяно поколение людей, менявших свои убеждения согласно очередной передовой статье. В самом деле, эта готовность искренне разделить с государством его очередное заблуждение у кого-то вызывает презрительное недоумение, у кого-то горькое сочувствие, а у кого-то даже мазохистскую гордость. Но ирония истории заключается в том, что люди, осмеивающие тех, кто поверил, «будто уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме», сами поверили, что уже нынешнее поколение будет жить при капитализме. Как сказал поэт: «Ах, обмануть меня

нетрудно!.. Я сам обманываться рад!»

Стоит ли удивляться, как почти все наши более или менее крупные политики меняют убеждения в зависимости от «погоды». На первый взгляд вообще может показаться, что нас с вами держат за слабоумных. Но на самом-то деле все гораздо тоньше: тотальная опека коммунистической власти привела общественное сознание к инфантилизму, привычке все принимать на веру. А зачем, на самом деле, было анализировать и сравнивать, если от тебя все равно ничего не зависело? Но теперь-то зависит, и многое, а инерция доверчивости осталась. Ею-то очень умело пользуются сегодняшние не совсем честные и совсем нечестные политики. Но иногда они явно перебирают, путая инфантилизм с идиотизмом. Так, например, можно ли себе вообразить, чтобы большевики в пылу борьбы за власть вдруг заявили, что в окружении государя императора затаились монархисты? Нонсенс! Но мы с вами постоянно слышим заявления о том, что в окружении президента полным-полно бывших партократов...

Однако самые яркие образцы индивидуально-утилитарного вранья, пришедшего на смену государственной лжи, мы имеем на телевидении, которое из коммунистического превратилось в демократическое, но, увы, не в смысле долгожданной объективности, а в узкопартийном (опять!) смысле. Честное слово, даже не знаю, что хуже: камнелицкий, говорящий без запинки диктор застойного времени или нынешний комментатор, вечно путающийся, но при этом граждан-

ственно морщащий лоб, интимно подмигивающий или inferнально ухмыляющийся?! Но у первого по крайней мере не было выбора: ты говорящий солдат партии и будешь лгать, что прикажут. А новое поколение, такое самостоятельно мыслящее, такое раскованное, даже «Москву – Петушки» промеж правительственных сообщений цитирующее, что же оно? А оно вчера ликовало по поводу шахтеров, бастующих в поддержку демократии, а сегодня так же искренне сокрушается на предмет неразумных авиадиспетчеров, мучающих народ своими нелепыми стачками...

Поймите меня верно: я не наивный романтик и хорошо сознаю, что есть законы политической борьбы, тактика и стратегия, даже разные хитрости... Но уж если мы открестились от большевиков, главным принципом которых была политическая выгода любой ценой и вопреки всяким моральным нормам, то стоит ли в нынешней борьбе за власть пользоваться их «старым, но грозным оружием»? Оно ведь обоюдоострое!

Мне становится очень неудобно, когда я вижу, как пресловутое черно-белое мышление, еще недавно активно использовавшееся в смертельной схватке с мировым империализмом, сегодня просто-напросто переносится во внутривнутриполитическую жизнь. Кстати, не потому ли так легко нашли свое место в новом раскладе именно журналисты-международники? Все ведь, как и раньше, очень просто: правительство поддерживается цветом нации, оппозиция – красно-коричневы-

ми люмпенами. А вот, кстати, и жуткая ущербная рожа, выхваченная камерой из толпы. И эти недочеловеки еще смеют бороться за власть?! Но, во-первых, неадекватных граждан достаточно на любом массовом мероприятии, только правительственных шизоидов телевизор нам по возможности не показывает. А во-вторых, за что же тогда должна бороться оппозиция – за право делать педикюр членам правящей команды?

Только, ради бога, не надо мне про конструктивную оппозицию! Конструктивная оппозиция – это когда инструктор райкома, сочиняя выступление ударнику труда, вставляет туда парочку критических замечаний, согласованных с обкомом.

Ну а если с высот большой политики спуститься, скажем, в мелкий и средний бизнес, то мы увидим, как эта «тактическая непорядочность» политиков трансформируется в откровенное жульничество в наших свежесозданных рыночных куцах. Я, конечно, читал и знаю, что период первоначального накопления всегда связан с криминальными явлениями, поэтому большое спасибо, если предприниматель придет приватизировать фабрику с мешком ваучеров, а не с мешком скальпов! Да и почему, собственно, деловой человек не должен по дешевке гнать за границу нашу медь, если главная власть этой самой загранице в рот смотрит и давно уже превратила Страну Советов в страну советов Международного валютного фонда? А почему бы мелкому чиновнику за опре-

деленное вознаграждение не закрыть глаза на сдаваемый за границу целый полуостров Крым – и хоть бы что!

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку... Но ведь без нравственных устоев, без отказа как от государственной лжи, так и от индивидуально-утилитарного вранья ничего путного у нас не получится. Вместо рынка и процветания слепим грязную барахолку, в центре которой будет стоять игорный дом с теми же черными «персоналками» у подъезда и большим лозунгом на фронтоне: «Верным курсом идете, господа!».

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1992 г.

«Готтентотская мораль»

Перед вами – новенький «Мерседес». Будучи плюралистически мыслящей личностью, вы можете оценить это чудо западного автомобилестроения по-разному. Например – в долларах. Или – в лошадиных силах. Или – в количестве нервной энергии, потраченной деловым человеком, чтобы заработать эту валюту. Не исключена оценка в тоннах – в том смысле, сколько понадобилось сплавить за рубеж цветных металлов, дабы мечта о «Мерседесе» материализовалась. Наконец, можно оценивать и по количеству пенсионеров, роющихся в помойках вследствие «преобразований», которые позволили предприимчивому человеку сменить одну иномарку на другую.

Что ж, о «цветущей сложности» жизни писал еще классик. Но если из всего многообразия точек зрения вы облюбовываете и абсолютизируете только одну и только потому, что она вам выгодна, то знайте: такое отношение к миру и живущим рядом называется «готтентотской моралью». Это – этическая система, точнее, антисистема, обладающая колоссальной разрушительной силой, хотя происхождение самого термина – «готтентотская мораль» – даже забавно.

Однажды миссионер спросил готтентота: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана», – ответил тот. «Ну хорошо, а что же такое добро?» – «Это когда я украл у

соседа барана...» Несмотря на первобытную незатейливость этого миропонимания, а может быть, именно благодаря ей, «готтентотская мораль» все шире овладевает нашим обществом, все глубже проникает в него.

Возьмем, к примеру, самое страшное из всего, что происходит сейчас на нашей земле, – межнациональные войны и конфликты. Если вы попытаетесь уловить логику в предъявлении территориальных претензий, то просто голова закружится. В ход идет все: и затерявшаяся в веках история вхождения того или иного народа в Российскую империю, и нелепые административные границы, нагроможденные неуспешными гимназистами, с горя пошедшими в революцию, и пакт «Молотова – Риббентропа», толкуемый как кому вздумается, и хрущевские щедроты, и автографы, которые в пылу борьбы за власть раздавали уже ныне действующие руководители... Впрочем, логика все же есть – «готтентотская».

С особой грустью смотрю я на экран телевизора. Ведь как нам грезилось: лишь падет большевистская цензура – получим мы объективную информацию о времени и о себе. Увы, ленинский принцип партийности (разновидность «готтентотской морали») продолжает торжествовать на ТВ, правда, с обратным политическим знаком. Ну в самом деле, почему я должен узнавать последние новости в версии искромечущего Гурнова или трепетного Флярковского? Я просто-напросто хочу получать информацию, изложенную по возможности телегеничным и обладающим четкой артикуляцией дик-

тором. А выводы я могу сделать сам.

Не знаю, как другим, но мне кажется подозрительным, когда про необходимость референдума о земле на телеэкране говорят, поют и даже пляшут, а противоположная точка зрения дается впроброс, да еще со словами комментатора, точно извиняющегося за «дауна», испортившего гостям ужин. Лично я за реформы и за демократическую Россию в широком смысле этого словосочетания. Но я не понимаю, что такое «враги реформ». Враги народа, что ли? Лично я сторонник рыночной экономики. Но меня берет оторопь, когда симпатичная дикторша вдруг злющим-презлющим голосом начинает говорить о «красно-коричневых люмпенах». Допустим, эти люди не хотят расставаться со своими коммунистическими убеждениями так же быстро, как расстались с ними многие из тех, кто вбивал всем нам в головы эти убеждения, в частности телевизионщики. А может быть, они вообще не хотят расставаться со своими убеждениями? Это — их право. История рассудит. Не будем забывать, что подобное уже было: красные профессора убедительно доказывали, а красные корреспонденты убедительно показывали неспособность крестьянина своим умом понять всю жуткую выгоду колхозов. «Готтентотская мораль» в мире информации — страшное дело!

Другой разговор — авторские программы. Если меня утомит пронзительный взгляд А. Политковского, словно бы подозревающего каждого своего собеседника в тяжком уго-

ловном прошлом, я не стану смотреть «Политбюро», а буду оставаться с «Красным квадратом». Когда же я пресыщусь геополитическим конференсом А. Любимова, то переключусь на «Тему», где и без В. Листьева много достойных и умных людей. Но и в авторских программах хотелось бы более широкого спектра мнений. Например, по-моему, очевиден недостаток передач, сориентированных на формирование патриотических чувств. Нет, не советского патриотизма и не национал-патриотизма, а просто патриотических чувств. Ведь сегодня мы переживаем взрыв национально-го самосознания, некогда затоптанного силовым интернационализмом. Если этот взрыв оформится в цивилизованное патриотическое сознание – мы обречем колоссальный источник творческой энергии для возрождения Отечества, да и для умиротворения конфликтов. Патриот с патриотом договорится. Националист с националистом – никогда.

Поэтому, когда я вижу на экране эдаких саркастических небожителей, рассуждающих об «этой стране», точно речь идет не об их Родине, а о неведомой территории, заселенной недоумками, мне хочется им по-спикеровски сказать: «Эх, ребята, что-то вы все-таки недопонимаете, несмотря на ваши умные усмешки и тщательную английскую интонацию. (Кстати, хотел бы посмотреть на английского теледиктора, говорящего с русской интонацией!) Именно недопонимаете, ибо человек, не желающий быть патриотом, обречен однажды проснуться в стране, где к власти пришли фашисты...»

Однако вернемся к рассматриваемому нами феномену «готтентотской морали» и посмотрим теперь, что происходит в искусстве, в частности в литературе. Сегодня, когда меняется идеология, идет и переоценка ценностей эстетических. Причем исподволь людям навязывается мнение: раз социально-политические принципы минувшей эпохи обанкротились, то изящную словесность этого времени тоже нужно выбросить в мусоропровод истории. Появился даже тип литературного предпринимателя – организатор поминок по советской литературе. Может быть, эти образованные и неглупые люди просто не понимают, что советская литература не исчерпывается беллетризованными комментариями к партийным постановлениям? Может быть, они не сознают, что место написания романа – Переделкино, Париж или котельная – далеко еще не определяет его художественный уровень? Понимают и сознают, просто тут мы как раз и вступаем в сферу «готтентотской морали».

Я искренне сочувствую иным нашим критикам и литературным активистам: им не терпится освободить ниши в старом «пантеоне», чтобы заставить их своими, собственноручно отформованными кумирами. Во-первых, льстит самолюбию, а во-вторых, обдывать пыль намного проще, чем пристально следить за сложными извивами художественного процесса и давать им честное профессиональное объяснение. Вчитайтесь в критические разборы, публикуемые как в левой, так и в правой печати, и вы заметите характерную

«готтентотскую» закономерность: создание новых, посткоммунистических литературных авторитетов часто идет по старому, соцреалистическому принципу. Наш, по-нашему думает, по-нашему сочиняет – «подсажу на пьедестал». Ну а если из чужой команды или вообще какой-нибудь литератор, пишущий сам по себе, – не то что понимания, пощады не жди!

Говоря об этом, не могу не остановиться на одном примечательном факте нашей литературной жизни. Состоялось вручение британской премии Букера за лучший российский роман этого года, и лучшим романистом оказался Марк Харитонов, запомнившийся читателям своей повестью про Гоголя, опубликованной в середине семидесятых в «Новом мире». А в шестерку сильнейших кроме него вошли Л. Петрушевская, В. Маканин, Ф. Горенштейн, А. Иванченко, В. Сорокин. Все эти имена у меня сомнений не вызывают, а вызывают только уважение, за исключением, пожалуй, В. Сорокина, работы которого мне представляются подзатынувшимся и не очень талантливым розыгрышем как российской, так и зарубежной читающей публики. Хотя, быть может, я и ошибаюсь...

Но какое отношение к «готтентотской морали» имеет премия Букера, спросите вы? Имеет. И дело не в том, кто именно получил премию, хотя я бы на месте высокого жюри, коль уж выбирать из шестерых, поделил бы ее между Л. Петрушевской и В. Маканиным. А дело в том, что все шесте-

ро принадлежат к одному, пусть уважаемому, достойному, но все-таки одному течению отечественной словесности. Конечно же, как люди одаренные, они не похожи друг на друга, но эта непохожесть, по-моему, укладывается в рамки общего эстетического и духовного направления. Только ведь, как я понимаю, наши британские доброжелатели намеревались в трудную годину поддержать всю российскую словесность, а не одно, пусть даже очень перспективное ее направление. Полагаю, учредители премии сами будут огорчены, когда поймут, что эта благотворительная акция вызвала в литературном мире больше недоуменных вопросов, чем слов благодарности. Впрочем, заграничным благодетелям не привыкать: они часто видят свою гуманитарную помощь на кооперативных прилавках и втридорога...

Однако вернемся к нашим отечественным деятелям и госмужам, которые с родной словесностью поступают совершенно «по-готтентотски». Пока они боролись за власть, они охотно пользовались ее извечной тягой к переустройству мира. Но, усевшись в кресла, как-то сразу про нее и позабыли. А может быть, наоборот, – очень хорошо запомнили, на что способна российская литература, возжаждавшая перемен! Во всяком случае, прежде стоял вопрос, может ли писатель на свои заработки содержать семью. Сегодня стоит вопрос, может ли семья на свои заработки содержать писателя. Тоталитарный режим гноил юные таланты в котельных и сторожках – это общеизвестно. Но мало кто знает, что нын-

че и молодым, и пожилым литераторам гораздо чаще приходится идти в дворники, чем лет десять назад.

«Все сегодня трудно живут!» – воскликнете вы и будете правы. Поэтому не кормления хочет творческий работник, а возможности заработать на прокорм. Как? Нереализованных возможностей много. Вот хотя бы одна. Скажите, пожалуйста, неужели деньги, потраченные на покупку несчетно-серийных рыданий-страданий, после которых чувствуешь себя абсолютным латиноамериканцем, нельзя было пустить на развитие отечественной теледраматургии?

Да что там говорить, если о собственных ученых-атомщиках вспомнили лишь после того, как старшие американские товарищи обеспокоились расползанием ядерного оружия по планете! Об отечественной культуре вспомним, наверное, только в том случае, если атомная бомба бездуховности рванет так, что вылетят стекла и в Кремле, и в обоих Белых домах.

И спросит миссионер русского: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана...»

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1992 г.

Смена всех

Стыдно. Пожалуй, именно это слово наиболее полно передает то состояние, в котором нынче пребывает любой здравомыслящий человек, если он воспринимает Россию как Отечество, как свой дом, а не дешевую мебелирашку, откуда можно в любое время съехать, прихватив с собой казенный табурет с жестяной биркой на боку.

Мне стыдно, что уже второй раз за одно столетие, ничему не научившись на своих ошибках, мы, борясь против обветшавшего политического и экономического устройства, нанесли сокрушительный удар по собственной державе. Это, знаете, как если б человека, страдающего общей слабостью, отлупили до полусмерти, чтобы включить защитные силы организма. Они могут включиться тогда, когда защищать будет уже, увы, нечего.

А минувший год? Стыдно было слушать эти бесконечные «страшилки» про надвигающийся переворот – о чем плели сатирики с эстрады, пели поседелые рок-певцы, зловеще предупреждали массовики-геополитики, предостерегали наиболее чуткие депутаты, многие из которых сегодня деловито перепрыгнули с одной ветки власти на другую. Это, право слово, очень напоминало ситуацию, когда все энергично ищут любовника в доме, забывая только заглянуть в постель к молоденькой хозяйке.

Мне стыдно, что президент устал. Во всех смыслах. Достаточно, даже не обладая специальными знаниями, взглядеться в его лицо, появляющееся на телеэкране. Но особенно мне стыдно, что он устал на манер знаменитого матроса Железняка с его приснопамятным караулом. В те годы тоже, насколько мне известно, не все симпатизировали Учредительному собранию, и его состав многим не нравился. Даже А. Блок, если помните, в «Двенадцати» иронизировал над «учредилкой». Но знаете, бывают такие родинки на коже, некрасивые, даже уродливые, а сковырнешь – и кровь потом ни за что не остановишь.

Мне стыдно за наш разогнанный парламент. Нет, не за его состав, который не более нелеп, чем президентская команда, в значительной степени из этого самого парламента и рекрутированная. Качественный состав и первого и второго органов отражает то помутнение народного сознания, каковое всегда происходит, если из затхлого помещения выбежать на свежий воздух. Мне стыдно, что эти люди, так громко спорившие «о будущих видах России», оказались в критическую минуту абсолютно беспомощны и беззащитны. В их кобуре, которую они так многозначительно оглаживали, пикируясь с исполнительными своими противниками, оказался огурец. А ведь это фактически те самые люди, что в 91-м активно участвовали в августовских игрищах. Они же отлично знают, как это делается. Они же знают, как подвыпившую массовку можно объявить героическими защитни-

ками, а можно – обнаглевшей чернью и люмпенами. Все зависит от того, кто владеет «Останкином». Да, большую часть парламента нужно было давно выгнать из политики за профнепригодность без выходного пособия! Но разгонять парламент – это совсем другое...

Мне стыдно за нашу отечественную интеллигенцию – она так и осталась советской в самом неизъяснимом и неисчерпаемом смысле этого слова. Как ретиво она начала озвучивать и расцвечивать идею большого скачка в рынок и демократию, даже не озаботившись, чем такая поспешность может обернуться для людей, да и для нее самой! С нравственной точки зрения ухватистые пропагандисты умного рынка и просвещенного фермерства ничем не отличаются от воспевавшей стальной индустрии и поголовной коллективизации. И для тех, и для этих цена, заплаченная народом, значения не имеет. Более того, будь человеческий век подольше, это вообще были бы одни и те же люди! А ведь на самом-то деле главная задача интеллигенции быть нравственным арбитражем властей перестраивающих. Ее задача – помочь правильно установить парусную систему государственного корабля, а не дуть в паруса, лиловая от натуги и стараясь, чтобы их усердие заметил если не капитан, то хотя бы старпом.

Мне стыдно, что в России усиленно раздувается национализм. В России, многонациональной, мешаной-перемешанной революцией, войнами, депортациями, массовыми перебросками молодежи, ехавшей «за запахом тайги»... В Рос-

сии, где население всегда отличалось небывалой шириной положительной комплиментарности, если пользоваться терминологией гениального Л. Гумилева! А попросту говоря, в России никогда не встречали и не провожали по форме носа или цвету волос, а только – по уму и верной службе Отечеству. У меня просто уши от стыда теплятся, когда я слышу по телевизору разные заявления о том, что тот же Хасбулатов чужд русскому народу не в силу политических взглядов, а по причине своего врожденного чеченства. Руслан Имранович никогда не был героем моих политических грез, но когда я слышу такое, у меня возникает вопрос: вы там, в пресс-секретариатах, когда-нибудь думаете? Этого нельзя было заявлять даже в том случае, если б в России было только две национальности – русские и чеченцы. Стоит только начать оценивать политиков с точки зрения национальной принадлежности – и сами не заметите, как политический Олимп превратится в Лысую гору!

Мне стыдно думать о судьбе русских людей, оказавшихся за границей или в горячих точках. В отношении к ним мы ведем себя, как древние римляне периода упадка – «А говорят, на рубежах бои...» Ну и что предпринимает власть российская по поводу попраiania их духовных и политических прав? Безмолвствует или витиевато уходит от трагедии. А на самом деле это только кажется, что Жуковка или Барвиха ближе к Москве, чем Нарва или Приднестровье.

Мне стыдно смотреть в глаза пожилым людям, которые

подходят на улице к тем, кто побогаче одет, и просят на хлеб. Омерседесить полпроцента населения и завалить города дорогими западными неликвидами – еще совсем не значит влиться в не очень-то дружную семью цивилизованных народов. Страна, где профессор медицины получает меньше, чем подросток, подторговывающий анальгином, обречена. Порядочный политик застрелился бы, узнав, что научную элиту его страны взял, спасая от голода, на содержание зарубежный фонд. Но вместо выстрелов слышны только хлопки шампанского на бесконечных раутах. А когда снова станут актуальными строчки Маяковского «Ешь ананасы, рябчиков жуй...», – те, кто успеет отступить на заранее подготовленные калифорнийские виллы, будут жалостливо объяснять доверчивой западной общественности, что-де дикий русский народ не понял своего счастья и погубил нетерпеливостью замечательные реформы. А доверчивый западный обыватель будет кивать, не догадываясь, что сам бы не выдержал не только нескольких лет, нескольких недель таких реформ!

Мне стыдно смотреть на наших сегодняшних политиков. Начнем с того, что у хорошего политика должно быть лицо семейного доктора, которому вы с легким сердцем разрешите осмотреть вашу жену по самому сокровенному вопросу. А теперь мысленно переберите галерею наших нынешних вершителей. Вопросы есть? Вопросов нет. Впрочем, один все-таки есть: где были наши глаза и мозги?! Я прежде думал, что

не бывает ничего более удручающего, чем президиум съезда компартии. Я ошибался... Отличительная черта большинства тех, кто был прежде, – бездарность. Отличительная черта большинства тех, кто сейчас, – бессовестность. Не знаю, право, что и хуже!

Когда на экране появляется политик имярек, уже поработавший на конкретной должности и заваливший все, даже то, что по своей природной особенности и заваливаться-то неспособно, когда он начинает наставлять, как нужно жить и каким курсом вести страну, мне хочется сделать то, чего я никогда не делал: позвонить по контактному телефону и сложносочиненно выругаться! Очень интересно наблюдать, как госдеятель, попавшийся на коррупционерских штучках, подвижнически глядя в телеобъектив, учит меня, грешного, нравственным ценностям! Еще очень хорош внешне-политический деятель, который с вялым миротворчеством объясняет соотечественникам, что утрата той или иной странной территории – дело житейское и особенно огорчаться тут нечего: ведь планета – наш общий дом и так ли важно, где проходит граница. Французский госмуж, сказавший что-нибудь подобное, например, о Корсике, на следующий день исчез бы из политики, как плевок с раскаленной каминной решетки. А мы терпим – и первого, и второго, и третьего...

Мне стыдно за себя. Потому что многие из нынешних верховодов, особенно мои ровесники, начинали на моих глазах, и, наблюдая их первые робкие шажки и отлично зная цену

этим людям, я только иронически хмыкал, я и представить себе не мог, в какую силу они войдут и в какой беспорядок ввергнут страну, лишь только бы у них все было в порядке, лишь бы зажить поцивилизованнее в своей новой, отобранной у кого-нибудь из «бывших» московской квартире. Подумаешь, что страна сжимается, как шагреновая кожа, главное, что своя жилплощадь увеличивается... Впрочем, что я мог сделать даже тогда, вначале? Ничего. Но все равно стыдно.

Если б я обладал социальной энергетикой настоящего политика, я бы сегодня организовал новую партию с лозунгом «Смена всех!». К руководству страной должны, разумеется, в результате выборов прийти новые люди – порядочные, умные, государственно и патриотично мыслящие, не причастные к «машкерадным» переворотам, обкомовским номенклатурам, гэбэшнo-диссидентским играм. Да, лично мне не нужен парламент, который живет с президентом, как кошка с собакой, но мне не нужен и президент, который разгоняет парламент.

А новые люди есть, и если то же телевидение вдруг перестанет быть развязно-однопартийным, то через несколько дней мы убедимся в том, что Россия не оскудела талантливыми и преданными Отечеству политиками, состоявшимися или только готовящимися вступить на это поприще. И если кто-нибудь, прочитав эти строки, захочет воплотить в жизнь мои литературно-политические мечтания и создаст партию с лозунгом «Смена всех!» – я тут же вступлю в эту партию,

стану «сменовсеховцем» и начну активную работу на низовом, как говорится, уровне – буду ходить по квартирам своего микрорайона и объяснять людям, что, когда тебе стыдно за свое Отечество, дальше ехать уже некуда. Ради такого дела я, не задумываясь, отложу в сторону рукопись новой повести: она подождет до того времени, когда можно будет наконец «не краснеть удушливой волной» за творящееся в России. Пока – стыдно...

Газета «Век», октябрь 1993 г.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

...Под выстрелами толпа любопытствующих дружно при-седала. Потом кто-то начинал показывать пальцем на блику-ющий в опаленном окне снайперский прицел. Били пушки – словно кто-то вколачивал огромные гвозди в Белый дом, на-поминавший подгоревший бабушкин комод. А около моста, абсолютно никому не нужный в эти часы, работал в своем автоматическом режиме светофор: зеленый, желтый, крас-ный...

Вечером торжествующая теледикторша рассказывала мне об этом событии с такой священной радостью, точно взяли рейхстаг. Что это было на самом деле – взятие или под-жог рейхстага, – покажет будущее Однако кровавая полити-ческая разборка произошла. В отличие от разборок мафи-озных в нее оказались втянуты простые люди, по сути, не имевшие к этому никакого отношения. Я – не политик, я – литератор и обыватель. Мне по-христиански жаль всех по-гибших. Нынешним деятелям СМИ и тому, что осталось от нашей культуры, когда-нибудь будет стыдно за свои слова о «нелюдях, которых нужно уничтожить». А если им никогда не будет стыдно, то и говорить про них не стоит.

Профессиональное воображение подсказывает мне, ка-кой ад сейчас в душах арестованных. У одних потому, что

осознали кровавую цену политического противостояния? У других потому, что хотели большего, а лишились всего. У третьих потому, что представляют себе, как недруги празднуют победу на какой-нибудь правительственной даче. Бог им судья: они сами виноваты, ибо пошли или дали себя повести на крайность, на кровь. Что толкало или подтолкнуло их на это — мы когда-нибудь узнаем. Думаю, произойдет это гораздо раньше, чем полагают многие. Уверяю вас, правда будет отличаться от того мифа, который срочно лепится прямо на наших глазах, как подлинник Ренуара отличается от тех подмалевков, какие продают на художественных толкучках. Не это сейчас главное. Я слушал и участвовал в разговорах людей, толпившихся у Белого дома, на Смоленке, у Моссовета. Правда, в последнем месте от разговоров спорящих часто отвлекала обильная гуманитарная помощь, раздававшаяся прямо с грузовиков. Так вот: того единодушия, которым отличаются комментаторы ТВ, там не было. Большинство склонялось к тому, что виноваты и те и другие.

Противостояния президента и парламента, двоевластия больше нет, но то неоднозначное отношение к происходящему в стране, которое это противостояние символизировало, осталось. От того, что Мстислав зарезал Редедю пред полками касожскими, ничего не изменилось. Как, впрочем, ничего не изменилось бы, если б Редедя зарезал Мстислава... Поляризация в обществе осталась. Поэтому сейчас нужна не сильная рука, а мудрая голова!

Как справедливо заметил Сен-Жон Перс, плохому президенту всегда парламент мешает. Кстати, на улицах об этом тоже немало говорили. В одной группе спорщиков можно было схлопотать за хулу в адрес президента, в другой – за хвалу. Но все сходились на том, что указы, после которых следует кровь, совсем не то, что нужно стране, уже однажды потерявшей в братоубийственной войне лучших своих людей. И кого сейчас волнует, кто из них был белым, а кто красным?

Итак, оппозиция, пошедшая в штыковую контратаку, уничтожена. Закрыты оппозиционные газеты, передачи, возможно, будут «закрывать» неудобно мыслящих политиков и деятелей культуры... Создатели политических мифов не любят оттенков: у врага в жилах должна течь не кровь, а серная кислота – желательно поконцентрированное. Но, надеюсь, даже активист «Демроссии» не будет спорить, что демократия без оппозиции невозможна. Без оппозиции, действующей, конечно, в рамках закона, выражающей свои политические цели, критикующей находящихся у власти. В противном случае можно и ГУЛАГ объявить оппозицией Сталину, да и считать впредь, что его режим был не тоталитарным, а демократическим.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

Конечно, инакомыслящим политикам сейчас трудно высказывать свою точку зрения. Ситуация, когда, говоря словами классика, «где стол был яств – там гроб стоит», – демо-

рализует. И потом, новая оппозиция еще должна оформить-ся. Не исключаю, что ее будущие лидеры сегодня вместе с Б. Ельциным принимают поздравления, как два года назад вместе с ним же принимали поздравления А. Руцкой и Р. Хасбулатов. Посмотрим.

Я не политик, никогда этим не занимался и, надеюсь, не буду. Я, повторяю, литератор и обыватель, поэтому мне проще говорить об оппозиции. Не о той, что в президиумах, а о той, что в душе. Я хочу воспользоваться неподходящим случаем и сказать о том, что я – в оппозиции к тому, что сейчас происходит в нашей стране. По многим причинам.

Во-первых, потому, что как воздух необходимые стране реформы начались и идут очень странно. Представьте, вы пришли к дантисту с больным зубом, а он, предъявив диплом выпускника Кембриджа, начал сверлить вам этот самый зуб отбойным молотком. Я за рынок и за частную собственность. Но почему за это нужно платить такую же несусветную цену, какую мы заплатили семьдесят лет назад, чтобы избавиться от рынка и частной собственности?

Во-вторых, меня совершенно не устраивают те территориальные и геополитические утраты, которые понесла Россия на пути к общечеловеческим ценностям. Я очень уважаю исторический и экономический опыт США, но я уверен: вас бы подняли на смех, предложи вы американцам решить их социальные проблемы (а их и там немало) в обмен на хотя бы квадратный километр флоридских пляжей. Я уже не го-

ворю о россиянах, оказавшихся заложниками этнократических игр в странах ближнего Зазеркалья. Они-то теперь прекрасно разбираются в общечеловеческих ценностях.

В-третьих, мне совсем не нравится пятисотметровая дубина с бесполом названием «Останкино», которая снова изо дня в день вбивает в голову единомыслие. Ее просто переложили из правой руки в левую, но голове-то от этого не легче. Да и толку-то! Уж как коммунисты гордились «небывалым единением советского народа», а что получилось...

В-четвертых, меня берет оторопь, когда я вижу, в каком положении оказалась отечественная культура, как мы теперь догадались, не самая слабая в мире. Гэкачеписты во время путча хоть «Лебединое озеро» крутили. А нынче в перерывах между разъяснительной работой ничего не нашлось, кроме сникерсов, сладких парочек да идиотского американского фильма, по сравнению с которым наш «Экипаж» – Феллини...

В-пятых, я не понимаю, почему учитель или врач должен влачить нищенское существование, когда предприниматель, детей которого он учит и которого лечит, может строить виллы и менять «мерсы», как велосипеды. Я с большим уважением отношусь к предпринимателям, на износ работающим сегодня в своем сумасшедшем и опасном бизнесе. Я никогда не назову такого человека торгашом или спекулянтом. Это особый и трудный талант. Но ведь человек приходит на землю не только для того, чтобы купить дешевле, а про-

дать дороже! И талантливый ученый или квалифицированный рабочий, бросившие все и пошедшие в палатку торговать «жвачкой», – это знак страшной социально-нравственной деградации народа.

В-шестых... Впрочем, думаю, и сказанного довольно.

Не знаю, возможно, преодолеть все эти «ужасы», как выражается моя знакомая, президентской команде действительно мешал парламент. Поживем – увидим. Если так, я честно признаюсь, что был не прав, и встану под знамена победителей, хотя, думаю, там уже и сейчас нет ни одного свободного места... Но скорее всего дело в ином: наше нынешнее руководство просто не соответствует тем сложнейшим задачам, которые стоят сегодня перед Россией. А плоскостопие лечить посредством ампутации ног любой сможет. Поэтому, как справедливо говорит президент, нужны новые выборы. А выборы без оппозиции, имеющей доступ к средствам массовой информации, никакие не выборы, а голосование, каковое мы и имели семьдесят лет. Не будете же вы просить девушку выйти за вас замуж, приставив ей пистолет ко лбу?! Конечно, выйдет, если жить хочет. А потом – спать в разных комнатах, бить посуду и подсыпать друг другу тараканы порошки...

...От Белого дома гнали кого-то с поднятыми руками. Мимо проносили очередного убитого или раненого. Мальчишки втихаря вывинчивали золотники из колес брошенных машин. А светофор все так же работал в автоматическом ре-

жине: красный, желтый, зеленый...

Газета «Комсомольская правда», октябрь 1993 г.

Россия накануне патриотического бума

Со словом «патриот» за последние годы произошли странные вещи. Уважаемые деятели культуры уверяли нас, будто патриотизм чуть ли не зоологическое чувство, характерное более для кошки, нежели для человека. В газетных шапках различные производные от этого слова появлялись, как правило, в тех случаях, когда речь заходила о каком-нибудь политическом дебоше. Если в просвещенной компании человек лепетал, что социализм, конечно, не мед, но зачем же всю нашу новейшую историю мазать дегтем, как ворота не соблювшей себя девицы, – его, морща нос, тут же спрашивали: а не патриот ли он, часом? Наконец, меня просто добил эпизод, когда теледикторша с чувством глубочайшего, доперестроечного удовлетворения сообщила, что, по последним социологическим опросам, патриотов поддерживает всего один процент населения.

Никогда не поверю, что у нас в стране столь ничтожное число людей, обладающих патриотическим сознанием. В таком случае России давно бы уже не было, а была бы огромная провинция «недвижного» Китая или незалежной Украины. Тут налицо явная подмена понятий. В минуты семантических сомнений я всегда обращаюсь к словарю Даля. Открываем и находим: «Патриот – любитель Отечества, рев-

нитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник...» Как будто все ясно, и слово-то хорошее, чистое, а тем не менее превратилось в политическое, да и в бытовое ругательство. «За что, Герасим? – спросила Муму» – так написано в одном школьном сочинении.

Было за что. Напомню, в прежние времена это слово употреблялось в устойчивом сочетании – «советский патриотизм». Дело тут не в эпитете, который в те годы лепился ко всему: советская литература, советская женщина, советский цирк... Тут проблема гораздо сложнее и тоньше. Но сначала сделаю небольшое отступление. Когда я впервые попал в США и пообщался с тамошними рядовыми налогоплательщиками, то обратил внимание на их своеобразный патриотизм – яркий, демонстративный, напористый – с непременно звездно-полосатым флагом перед домом. Но мне показалось, это была не «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а, скорее, любовь к социально-политическому устройству своей страны. Это патриотизм эмигрантов, которые на новом месте зажили лучше, чем на прежнем.

А теперь я хочу предложить читателю одну гипотезу. Мы помним, что Ленина, большевиков всегда грел американский опыт. Обратились они к нему и тогда, когда, говоря по-нынешнему, обдумывали концепцию нового патриотизма без самодержавия, без православия, без народности в стране победившего пролетариата. Поначалу, правда, пытались обойтись одной классовой солидарностью, но мировая

революция как на грех запаздывала. А лозунг «Штык в землю!» хорош, пока ты борешься за власть, а когда ты ее взял и хочешь удержать, необходим совсем другой лозунг, например: «Социалистическое Отечество в опасности!».

Итак, обдумывая эту новую концепцию, большевики, предполагая, вспомнили об опыте американского, назовем его условно «эмигрантского», патриотизма. Ведь, по сути, 150 миллионов подданных исчезнувшей Российской империи в результате революционных преобразований, оставаясь на своей отеческой земле, на родном пепелище, стали переселенцами, эмигрантами, ибо очень скоро очутились в совершенно новой стране, с совершенно иным устройством и принципами жизни. И если «передовому» россиянину начала XX века полагалось не любить Отечество из-за его реакционной сущности и даже желать ему поражения в войне, то теперь он, напротив, был обязан горячо любить Советскую Россию за новое, передовое устройство. Очень хорошо это прослеживается у Маяковского. «Я не твой, снеговая уродина» – до Октября. «Читайте, завидуйте...» – после Октября. А ведь речь-то шла о той же самой стране – с той же историей, культурой, ландшафтом, населением, правда, сильно поистребленным. Этот новый «эмигрантский», то бишь советский, патриотизм был внедрен в умы и души настойчиво, талантливо, стремительно. И не надо сегодня, задним числом, преуменьшать привлекательность тогдашних коммунистических лозунгов, идей, символов. На них купились

не только в России. Вспомните, ведь и Есенин совершенно искренне писал: «За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». Любопытно, что не до Босфора и Дарданелл... Правда, в другом месте великий поэт уточнял: «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам». За это и поплатился, как и тысячи других, надеявшихся совместить новый советско-«эмигрантский» патриотизм с прежним – назовем его также условно «отеческим». И не могли не поплатиться: у выпученных рачьих глазок агитпропа всегда были безжалостные чекистские клешни.

Но совмещение, взаимопроникновение этих двух патриотизмов все равно произошло, ибо новое, как всегда, возводилось на старом фундаменте, подобно тому как заводские клубы строились на фундаментах снесенных церквей. В конце концов этот подспудно шедший процесс совмещения возглавила и подстегнула сама новая власть. Когда? Когда подступила Великая Отечественная. Заметьте, Отечественная, а не пролетарская или социалистическая. Поднять и повести в бой нужно было всех до единого, даже пострадавших, униженных новой властью. Заградотряд может остановить отступающего, но на смерть ведет любовь к Отечеству. В последней фразе есть, конечно, пафосная условность, но есть и неоспоренная истина. И вот тогда-то до зарезу понадобились такие, например, строчки сотрудника газеты «Сокол Родины» Дмитрия Кедрина:

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья —
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Несмеяна? Да за такое еще год-два назад отрывали голову. Но теперь голову могли оторвать сидевшим в Кремле – и это меняло ситуацию!

Разумеется, все было не так просто и однозначно. После войны были чудовищная кампания против космополитов и не менее чудовищное «ленинградское дело», преследовавшие как раз противоположные цели, но процесс, как говорится, пошел... Кстати, можно вообще нашу культурную жизнь последних трех-четырех десятилетий проанализировать с точки зрения «единства и борьбы двух патриотизмов». Тогда гораздо понятнее станут и приснопамятная статья А. Н. Яковлева против антиисторизма в 70-е, и пресловутое письмо группы литераторов, направленное против «Нового мира», возглавляемого А. Твардовским, и многое, многое другое. Но это тема серьезного исследования, которое по плечу не мне, дилетанту, а специалисту-культурологу.

Одно можно сказать с уверенностью: каким бы гремучим синтез этих двух патриотизмов ни был, режим он обслуживал. Хотя, конечно, на плацу клялись в верности социалистической Родине, а любили все-таки «стойбище осеннего тумана».

Сегодня даже политическому младенцу ясно: когда наме-

тилось принципиальное изменение политического и экономического устройства нашей страны, этот патриотизм был обречен, ибо являлся немаловажной частью всего каркаса, державшего систему. Конечно, поначалу говорили о социальной справедливости и социализме с человеческим лицом, но исподволь, а потом все откровеннее стала внушаться мысль, что эту страну любить нельзя. Эту страну – с кровавым усатым деспотом на партийном троне, с гулаговскими бараками, с тупыми людьми, стоящими в драчливых очередях за водкой, с вечным дефицитом всего элементарного, с искусством, осуществляющим непрерывный аннилингус власти... И ведь с точки зрения прагматичного «эмигрантского» патриотизма это было абсолютно верно: обещали рай земной, а что нагородили! В общем, как семьдесят лет назад людей напористо выучили любить свою советскую Родину, так теперь столь же стремительно отучили. Эта взлелеянная нелюбовь стала идейно-эмоциональной основой для таких грандиозных процессов, как распад Союза, отстранение от власти компартии, изменение геополитического положения нашей страны в мире...

И когда упоенная теледикторша сообщает, что всего один процент населения поддерживает патриотов, она имеет в виду, что подавляющая часть граждан (тут сделаем поправку на непредсказуемость наших социологических методик) разочаровалась в советском патриотизме, то есть разлюбила бывшее социально-политическое устройство своей страны. Но

ведь это совершенно не значит, что 99 процентов населения разлюбили свою страну, что они не переживают распад державы, что их радует утрата исконных земель и 25 миллионов россиян, оказавшихся за границей. Это совсем не значит, будто их устраивает наша страусино-аллигаторская экономическая политика, наше вялое «чего изволите» на мировой арене, упадок российской культуры, без всякой поддержки оставленной один на один с обильно финансируемой западной массовой культурой, от которой сами западники не знают, куда спрятаться. А если вести речь об оборонной доктрине, то, извините, чего стоит присяга Отечеству, если его «передовому» человеку и любить-то неловко? Генералы рыдают, что срываются призывы, — я вообще удивляюсь, что хоть кто-то в такой атмосфере надевает на себя военную форму! Зачем? Разве для того, чтобы за большие деньги пострелять из пушки по собственному парламенту!

Но шутки — в сторону! Я берусь утверждать, что, несмотря на жесточайшую спецобработку общественного сознания, патриотизм никуда не делся, а просто временно перешел (даже в душах) на нелегальное положение — ситуация постыдная и чрезвычайно вредная для государства.

Кто в этом виноват, мы вроде худо-бедно разобрались. Теперь самое главное: что делать? На первый взгляд проще всего — спешно приучать людей любить наше новое социально-политическое устройство. Но ведь его пока попросту нет — руины. А те реформы, что успели наколбасить, подавляю-

щей части населения тоже любить не за что – нищем. Вот и наши записные рыночники, которые три года назад уверяли, что хватит-де жить верой в светлое завтра, горбатиться на потомков, теперь, решив свои личные проблемы, с той же аввакумистостью запели про то, что рынок построить – не фунт изюму съесть, что процесс этот длительный, а ради счастья детей и внуков можно потерпеть и подзатыгнуть пояса, стоически проходя мимо обильных витрин. (На «Березках» хоть глухие шторы висели.) Лично я ради свежеспущенной бородки Г. Попова и тимуровского оптимизма Е. Гайдара терпеть не собираюсь. Ради будущего моего Отечества – дело другое!

А теперь, догадливый читатель, надо ли объяснять, что без новой концепции патриотизма не обойтись, особенно теперь, когда двоевластие закончилось, когда завершена, кажется, битва за гаечный ключ и теперь уже совершенно ясно, кто персонально будет затягивать гайки разболтавшейся государственной конструкции. Да, время лозунга «Баллистическую ракету – в землю!» закончилось. Наступает эпоха лозунга «Демократическое Отечество в опасности!». Не пугайтесь, наши дорогие зарубежные благожелатели, думаю, поисков внешнего врага не предвидится – не до жиру. Обойдемся врагом внутренним. Но суть от этого не меняется: укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое, собственно, и делает население народом и заставляет людей терпеть то, чего без

любви никто терпеть не станет.

Каким он будет, этот новый патриотизм? «Отеческим», новой разновидностью «эмигрантского» или, скорее всего, синтетическим? Не знаю. Будет ли отмыто загаженное прекрасное слово «патриот» (месяц активной работы ТВ) или возьмут что-нибудь новенькое, вроде далевского «отчизнолюба»? Не знаю. Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию – те же люди, что изничтожили старую, или поспеются и призовут новых людей, незапятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь... Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума.

Газета «Комсомольская правда», декабрь 1993 г.

Зрелище

Когда с дубовым веником под мышкой я подошел к Краснопресненским баням, там бегали люди в бронежилетах с рациями и автоматами в руках. На вопрос, что случилось, свежепопарившийся гражданин со смехом ответил, что какой-то мужик не поделил с кем-то шайку и его застрелили. Наутро из газет я узнал, что застрелили знаменитого Отари Квантришвили. Бог судья покойному. Его убийце, полагаю, судьей будет тоже Бог. Но меня поразило иронически-равнодушное отношение к чужой смерти. Раньше такого не было! Разбомбили сербов – возмутилась, по-моему, только кучка чудаков, прибежавшая с плакатами к американскому посольству, да Б. Ельцин, которого забыли поставить в известность. А если б не забыли? Студенты, которые хотят учиться, а не заниматься мелким бизнесом или рэкетом, демонстрируют возле Дома правительства и требуют своих нищенских стипендий. Ну и что? Да ничего: вчера шахтеры касками стучали, сегодня студенты глотки дерут, завтра еще кто-нибудь притащится за социальной справедливостью. Взглянул прохожий – и мимо. И власть тоже – мимо.

«Каждый народ имеет такое правительство, которое заслуживает» – эта фраза стала уже банальностью. Среди государственных мужей поругивать человеческий материал, выпавший на их долю, стало навязчивой традицией. Ну а если

перевернуть формулу – каждое правительство имеет такой народ, который заслуживает? И в самом деле, давайте порассуждаем о том, какое влияние моральный облик властей придерживающих (да простится мне сей старорежимный оборот!) оказывает на общественную мораль, а следовательно, и на всю жизнь общества.

Что и говорить, политический театр минувшей эпохи был крайне скуп на выразительные средства. Хотя, конечно, мы догадывались, что за внешним единодушием президиума съезда, напоминающего в этом своем единодушии большой академический хор, скрываются подлинно шекспировские страсти. Но что мы знали? Вот пошли слухи, что у члена Политбюро имярек сынок что-то там выкинул за границей. Ну, стал не сумевший достойно воспитать сына имярек реже появляться в телевизоре, потом строчка в газете «освобожден в связи...». Дальше – работяги в телогрейках изымают его канонический портрет из длинного ряда портретов где-нибудь на Ленинском проспекте, бросают в грузовик и увозят. А ведь в 37-м в грузовике увезли бы труп! Конечно, мы не были наивными и понимали: сын тут ни при чем или почти ни при чем – идет политическая борьба, а это всегда – торжище и игрище. Но в застойный период она не была зрелищем, и поэтому тогдашние деятели своим личным моральным примером не оказывали прямого воздействия на общественную нравственность. Еще памятная всем формула «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» оказалась роко-

вой, ведь отсутствие вышеперечисленных качеств связывалось в общественном сознании не с конкретными деятелями коммунистического и международного рабочего движения, а с партией как с политической силой. Именно поэтому она так вдруг потеряла власть. Именно поэтому неотвратимое народное возмездие тоталитаризму закончилось ритуальной посадкой Чурбанова. Именно поэтому большинство президентов в подразделениях СНГ – это бывшие крупные партийные функционеры. Да, политические спектакли прошлой эпохи шли при опущенном занавесе. И вдруг занавес поднялся – оставаясь торжищем и игрищем, политика в нашей стране стала еще и зрелищем!

Помните бесконечные трансляции съездов, которые поначалу смотрелись как «Просто Мария»? Вот Горбачев запросто переругивается с депутатом, запросто лезущим на трибуну. А вот самого Сахарова сгоняют с трибуны за общегуманистическую неуместность! А вот Ельцин публично объясняется по поводу своего исторического падения с моста! А вот Оболенский самовыдвигается в президенты! А вот Бондарев произносит свою пророческую метафору про самолет, который взлетел, не ведая, куда будет садиться! А вот уже и чета Горбачевых, точно погорельцы, спускается по самолетному трапу... Одним словом, большая политика из тайной стала у нас настолько явной, что закончилось все пушечной пальбой по парламенту на глазах у потрясенной отечественной и мировой общественности.

Эта зрелищность большой политики повлекла появление на сцене совершенно нового типа деятеля, разительно не похожего на тех, что мы видели прежде. Вспомните хотя бы Громыко, который во время своих редких телевизионных выступлений говорил так медленно, будто за каждым новым словом ему приходилось отлучаться в соседнее помещение. А ведь то был золотой интеллектуальный фонд тогдашнего Политбюро! Как же нас всех тогда поразил новый генсек, говоривший быстро-быстро и без бумажки! К общеизвестным неправильностям его речи мы относились снисходительно, хотя месяца работы со специалистом хватило бы, чтобы наш первый президент заговорил на хорошем мхатовском уровне. Думаю, тут сказалась та нетребовательность к себе, которая и привела к преждевременному уходу Горбачева из большой политики.

А потом вдруг выяснилось, что можно быстро-быстро и без бумажки говорить не только на родном, но даже и иностранном языке, ибо если прежде для успешной карьеры требовалось поработать на комбайне или помесить раствор, то теперь – окончить спецшколу и пройти стажировку за границей. Впрочем, если бы отцы не месили раствор, то вряд ли их дети стажировались бы за границей. Как заметил классик, каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего. Не надо только вытирать о предшественников ноги... Как мы гордились Гайдаром, когда он где-то в европах говорил по-английски без переводчика, хотя, полагаю, по протоколу на-

до бы как раз с переводчиком, но, как известно, понты дороже денег! Впрочем, Гайдар принадлежал уже к новому поколению и отлично сознавал, что является персонажем зрелищной политики. Лично я просто восхищен тем, как оперативно избавился он от своего пресловутого причмокивания. Оставалось еще стремительно похудеть в соответствии с резким обнищанием народа, но не будем отчаиваться – его политическая карьера еще не закончена!

О том, что за власть держатся до последнего, общеизвестно. Но как именно за нее держались в застойные годы, можно было только догадываться, взирая на задыхающегося Черненко. Теперь мы это увидели ясно и четко – вплоть до побелевших от напряжения пальцев, намертво вцепившихся в государственное кресло. А помните, что они говаривали нам в сладкую пору обольщения: мол, власть для них не самоцель, а тяжелая ноша, что, мол, если что-нибудь не получится, они тут же куда-нибудь уедут за рубеж преподавать и т. д. А теперь вспомните, как всем им не хотелось расставаться с тяжелой ношей, и, даже выпихнутые из тронной залы, никуда они не уехали, а толпятся в комнате ожидания, надеясь снова вернуться, хотя, насколько я понимаю, мы с вами уже давно их об этом не просим.

Однако и у прежнего, и у нынешнего поколения политиков есть одна общая, неискоренимая, чисто большевистская черта – неумение и нежелание признавать свои ошибки. То, что реформы не вышли, а если и вышли, то только боком,

сейчас признано всеми, включая и тех, кто эти реформы затевал. Вы слышали хоть слово извинения, хоть лепет раскаянья: «Мол, простите, люди русские и нерусские, бес попутал!» Лично я не слышал. Наоборот, те самые парни, что учудили нынешний развал и оскудение, не вылезая из телевизора, учат нас, как жить, говоря сегодня обратное тому, что провозглашали еще недавно. Говорят, все сказанное не исчезает, но витает где-то в околоземном пространстве. Представляете, каково словам Собчака-91 встречаться там со словами Собчака-94?

А теперь призадумаемся: может ли такое поведение на самом верху не отразиться на нравах в обществе? О каком патриотизме и государственном подходе к делу «новых русских» может идти речь, если они, еще сидя в своих первых палатках где-нибудь возле Курского вокзала, усвоили, что эти ребята там, на Олимпе, занимаются тем же самым, но только в особо крупных размерах? Трудно осуждать мелкого или среднего предпринимателя, перегоняющего свои капиталы на Запад, если он постоянно слышит неопровергаемые (или неопровержимые?) факты о гигантских счетах за границей, о каких-то странных лицензиях, о родственниках, перебравшихся за рубеж и там прекрасно натурализовавшихся. Весь год, предшествовавший октябрьским событиям, высокопоставленные бойцы противоборствующих станов обливали друг друга тщательно аргументированными помоями. Когда схватка закончилась, никто не стал отмываться, а все

сделали вид, что ходить с повисшей на вороту бранью – просто новый стиль одежды. О том, как этот новый стиль отразится на миропонимании рядового налогоплательщика, никто не позаботился.

Но, конечно, самое губительное воздействие на общественную мораль оказали уже поминавшиеся нами октябрьские события прошлого года в Москве. Ведь суть этих событий, давайте сознаемся, заключается в том, что одним махом было зачеркнуто то, что Бердяев очень точно назвал «преодолением большевизма». А ведь это был длительный, мучительный процесс, вобравший в себя и государственническую переориентацию режима в 30-е годы, и возвращение к патристическому сознанию во время войны, и хрущевскую «оттепель», и неуклюжую либерализацию при Брежневе, и горбачевский апрель... Как холостой выстрел «Авроры» вверг страну в Гражданскую войну, так нехолостые залпы на Краснопресненской набережной ввергли, а точнее вернули, нас в ту страшную эпоху, когда господствовал принцип, сформулированный писателем-гуманистом: «Если враг не сдается, его уничтожают». Любопытно, что среди тех, кто подталкивал исполнительную власть к крутым мерам, было немало писателей, считавших, а может быть, и продолжающих считать себя гуманистами. А теперь попробуйте упрекнуть преступника, на заказ застрелившего строптивного банкира. «Эге, – скажет он, – заказное убийство из пистолета – плохо, а из пушек – хорошо?» И будет, как ни стыдно признаться,

по-своему прав!

Вот к чему приводит зрелищность в политике, когда персонажи забывают, что их пример заразителен. И мне почему-то вспомнился рассказ мемуариста о том, как в первые годы советской власти какой-то красноармеец, сидя в театре, так вознегодовал на шиллеровского негодяя, что вскинул винтовку и застрелил актера наповал. Но наши нынешние политики не актеры, а мы не зрители. Вот о чем хорошо бы помнить, составляя меморандумы о гражданском мире, иначе все это окажется очередным никого ни к чему не обязывающим зрелищем. Впрочем, у В. И. Даля можно найти синоним слову «зрелище» – «позорище», но в этом своем забытом значении оно сегодня в русском языке не употребляется. А жаль...

Газета «Комсомольская правда», май 1994 г.

Паруса несвободы

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый, поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет поболее да шею полиловее и погрязнее...

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфира, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу: о духовном оскудении общества, о воцарении духа бессовестной и безоглядной наживы, об утрате нравственных ориентиров, о нищенской жизни нынешней интеллигенции, вероятно именно таким образом наказанной за свой безответственный поводыризм, за который не «Вехами» надо бы и не «Глыбами», а оглоблей...

Любопытно, что мысли о несовместимости таланта с социализмом, о невозможности самореализации незаурядной личности в совковой действительности впервые, на заре

гласности, начали высказывать не какие-нибудь творческие заморыши или воинствующие графоманы, а худруки знаменитых театральных коллективов, всемирно известные наши музыканты, выдающиеся кинематографисты, литераторы, выпускавшие прижизненные собрания сочинений. При этом они как-то забывали объяснить тот странный факт, что сами встретили перестройку не в психушке, не в бойлерной, не в нищей эмиграции, а в ореоле славы, тогда именовавшейся всесоюзной.

Развитой тоталитаризм не столько утеснял деятелей культуры, сколько их ублажал, правда, при условии соблюдения определенных правил поведения. Во-первых, нужно было верить или делать вид, что веришь в прогресс в рамках существующего порядка, во-вторых, если и критиковать систему, то в терминах господствующей идеологии (замечательный образчик – слова одного известного поэта с трибуны: «Красный карандаш цензора и красное знамя – не одно и то же!»), в-третьих, нельзя было выносить сор из избы. Помню, когда моя повесть «Сто дней до приказа» начала ходить по Москве в рукописи, меня пригласили и очень серьезно предупредили, что в общем-то разделяют пафос моего сочинения, но лишь до тех пор, пока его не опубликовали какой-нибудь «Посев» или «Метрополь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.